

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЗ ВЕРЫ.....	5
БЕЗ ЦАРЯ... ..	257
БЕЗ ОТЕЧЕСТВА... ..	505

БЕЗ ВЕРЫ...

Пролог

На всякий случай пишу для любителей точностей исторического момента, исторических параллелей и тому подобных вещей. ГГ перенёсся из мира, альтернативного нашему, в мир, прошлое которого также альтернативно нашему. Все совпадения случайны.

Драться решили на задах гимназии, за дровяными сараями, укрытыми густыми зарослями цветущей бузины и раскидистыми кронами старых деревьев. Рыжая дворницкая собачонка, выкатившаяся навстречу из зарослей, и негромко гавкнув для порядка, приветливо завилыла лохматым хвостом, в котором застрял всякий сор. Один из гимназистов кинул ей кусок сахара, завалывшийся в кармане.

— Только тихо, Жулька, — строго сказал кинувший лакомство мальчишка, присев к собачонке, с весёлым хрустом разгрызающей сахар и усиленно мотыляющей хвостом, припав белым пузом к чуть влажной весенней земле с натоптанными проплешинами посреди молодой, отчаянно зелёной травы. Псина, будто поняв его слова, взвизгнула что-то согласное и, облизнувшись длинным розовым языком, доверчиво ткнулась мальчишке в костлявые колени, выпрашивая ласку.

Он начал гладить её по голове, но несколько механически, что вполне устроило собачонку, млеющую от ласки. Начёсывая псинке уши и холку через густую шерсть, он наблюдал за разворачивающимся перед сараем действием.

Поединчики, стоя чуть поодаль друг от друга на вытоптанной, влажной и от того чуть скользкой земле с редкими упрямыми пучками травы, уже снимали ремни и фуражки. Но если у рослого, плотного, хотя и изрядно рыхловатого второгодника Парахина объявилось сразу несколько желающих подержать вещи, то у второго — нескладного, сутуловатого мальчишки достаточно субтильного вида, таковых не нашлось.

Кривовато, и как-то обречённо усмехнувшись, он подошёл к кустам и с нескольких попыток водрузил на бузину фуражку и ремень. Послышались смешки и шуточки, не всегда складные, но достаточно обидные, из которых легко было понять, что subtilный в своём классе если не изгой, то уж точно не пользуется популярностью.

Есть такие люди, которые что бы ни сделали, а всё как-то не-впопад выходит. Вот даже со всеми вместе делает что-то, ан нет... всё равно иначе выходит, наособицу. С возрастом такие люди обычно отгораживаются от всего мира, становясь этакими отшельниками в миру и прозябая на самых низких должностях, сливая ничемушниками и бесполезными чудаками. Часто — пьющими.

Но иногда, преодолев все невзгоды, они своими талантами пробиваются через плотно уложенную брусчатку одинаковых людей и идей, находя себя в творчестве, науке или серьёзной, уважаемой и востребованной профессии. А чудаковатый, но талантливый медик или математик обществом воспринимается совершенно иначе...

— Щас тебе Денис насует, — гаденько улыбаясь, пообещал мальчишке Струков, то ли дружок, то ли оруженосец Парахина, имеющий репутацию человека шалого и не вполне нормального. Этакий злой клоун, выбравший своим оружием кривляние, злые шуточки и травлю заведомо слабых.

— Скорее всего, — с деланным спокойствием согласился мальчишка, которого аж колотило нервной дрожью. Видно хорошо, что он боится так, что сводит мышцы и тело отказывается повиноваться. Зубы, чтобы не стучали, сжаты плотно, до проступивших желваков, бледное лицо пошло красноватыми пятнами, сделавшись совсем некрасивым.

Вид не бойца, а человека, обречённого на поражение. Чувство это усугубилось, когда поединчики сошлись поближе. Парахин возвышался едва ли не на голову, да и разница в весе у них пудика этак в два.

— Бей Рябу! — сдавленно прошипел Стручок, подавшись вперёд и оскаливая мелкие, острые как у хорька зубы.

Парахин, усмехнувшись, шагнул вперёд и картинно, наотмашь, влил противнику по уху. Мальчишка качнулся и как-то беспомощно выставил перед собой руки с тонкими, слабыми запястьями, приняв подобие боевой стойки, но даже не думая драться. А Денис, хохотнув и бросив в толпу несколько слов, снова ударил его по уху, но в этот раз с другой стороны.

— Для симметрии! — восторженно взвизгнул Струков, мелко захихикав и щурясь от удовольствия. — По ушам его, Денис, по ушам! Надери ему уши!

Хихикая, он привалился к морщинистому стволу дерева, сорвал веточку, закапавшую свежим соком, и принялся грызть её, укорачивая длину и сплёвывая кусочки в сторону. Не забывая, впрочем, поддерживать своего друга-сюзерена поощрительными репликами, через раз унижающими противника.

— Да что ж ты... — разочарованно бросил один из полтора десятка зрителей и нашёл меткую фразу: — Как мальчик трактирный! За уши скоро таскать начнут!

Обидная фраза, по-видимому, зацепила какие-то струны души у щуплого мальчишки. Зажмурившись, он шагнул вперёд и немело сжав кулак, выбросил его в ненавистную физиономию Парахина. Не попал... но в толпе загомонили:

— Ого! Отмахиваться решил? Вот уже чудо-чудное...

— Продует Лёшка! — пророчески сказал долговязый Севка Марченко. — Как есть продует!

В голосе его, впрочем, появилось вялое одобрение и некое подобие интереса. Драка заведомого аутсайдера с одним из сильнейших (по крайней мере — крупнейших!) ребят в классе, привлекала немного зрителей. Да и те пришли сюда либо от скуки, либо покурить, деля одну папироску на компанию из нескольких человек.

— Это понятно, — согласился приятель, не отрывая блекло-серых глаз от драки, не забывая затягиваться и картинно пускать кольцами дым, — но сам факт!

Парахин тем временем, нимало не удручённый внезапным сопротивлением, всю пользовался преимуществом роста, веса и совершенно обезьяньей длины рук.

По неписаным гимназическим правилам, такие драки ведутся либо до первой крови, либо до падения противника, и упаси Боже пинать его ногами! Растащат сразу, да и изгоем за такое поведение можно стать на раз! Впрочем, бывают и исключения...

Второгодник, пользуясь абсолютным преимуществом и беспомощностью противника, с каким-то садистским упоением избивал его, тщательно дозируя силу удара и следя за тем, чтобы ни в коем разе не задеть Сашку по носу или губе. Уши у того уже опухли, а по голове и скулам Парахин попал и вовсе бесщётно, только голова от ударов дёргалась.

Но мальчишка упрямо держался на ногах, с яростным упорством размахивая руками. Бестолково, но... будь у него соперник в той же весовой категории, так пожалуй, положение его было бы не вовсе безнадежным!

В толпе это поняли, и у Лёшки нашлись свои болельщики. Парахин хотя и один из сильнейших в классе, но откровенно трусоват, и с равными, да и просто смелыми ребятами старается не связываться.

— В солнышко его, в солнышко! — сдавленно шипел низкорослый, но крепкий и напрочь лишённый страха Андрей Бескудников, с которым предпочитали лишний раз не ссориться. Тормозов он не имел и запросто мог, презрев все законы гимназических драк, использовать подобранный на земле булыжник, а то и вовсе вцепиться зубами в ногу противника. Поговаривали, но впрочем — негромко, что с головой у него не всё в порядке. — Да что ж ты...

Бодел он за щуплого, а вернее — за зрелище. С Парахиным они друг друга демонстративно не замечали, а его оппонента Андрей и сам нередко гнобил, награждая болезненными, но как бы приятельственными щипками, растягивая губы в резиновой улыбке.

Один из ударов Парахина попал мальчишке в подбородок, и тот качнулся было. Толпа выдохнула... Но Лёшка, отступив на несколько шагов, сумел собраться, и в глазах его появилось что-то новое.

Не злость... а, скорее, недоумение, более чем необычное для этой ситуации. Что, чёрт возьми, такое происходит?! Так, наверное, можно было бы расшифровать этот взгляд... если бы кто-то взял на себя такой труд.

А потом, странно скособочившись, приподняв плечо, прижав подбородок к груди и выставив вперёд левую руку, щуплый мальчишка сам пошёл на Парахина!

— Бокс! — полминуты спустя удивлённо констатировал Севка. — Ей-ей, бокс!

— Лёшка, и бокс? — язвительно парировал приятель, не отрывая взгляда от драки, которая постепенно переставала быть игрой в одни ворота! Прикрывая лицо локтями и странно выворачивая корпус, щупловатый мальчишка ухитрялся уворачиваться и прикрываться от большей части ударов. А те, что проходили, принимались вскользь.

Найдись тут человек наблюдательный, он бы сразу отметил несообразности. Неловкие движения нетренированного тела, и при

том — своеобразный рисунок боя, когда мозг чётко понимает, что ему надо делать! А вот тело за мозгом успевает не всегда... Очень необычно.

— А может, и нахватался где... — пару минут спустя признал очевидное приятель, понаблюдав уже не за избиением, а за дракой!

— По самоучителю, — авторитетно заключил Андрей, лихо сплюнув сквозь зубы. — Дали, видно, несколько уроков, а потом сам!

— Криво как-то, — с неодобрением высказался ещё один знаток, с благодарностью принимая передаваемую по кругу тлеющую папиросу и затягиваясь, не слишком, впрочем, глубоко, — не нормальная школа бокса, а наверное, матросское что-то. Уличное!

— А то! — согласился Севка, не поворачивая головы. — Где прямая спина? А руки? Руки надо вперёд выставлять, как в фехтовании!

— А этот? — он возмущённо махнул рукой, сплёвывая через зубы на землю и максимально незаметно вытирая слюну, некоторая часть которой оказалась на гимнастёрке. Приятели, и сами имеющие такого рода грехи, предпочли не заметить оплошности, потому как сегодня ты посмеёшься, а завтра, глядишь, а над тобой! — Собака сутулая! Спину колесом согнул, подсел зачем-то. Так это всё... на безрыбье.

Лёшка тем временем, несмотря на критику, ухитрялся не только защищаться, но и начал нападать! Пару раз прорвавшись на ближнюю дистанцию, он уверенно зарядил Денису в печень и солнышко, но разница в весовой категории и мускульной силе всё же таки сказалась, и оппонент разве что хекнул озадаченно.

Впрочем, щупловатый Лёшка и сам к этому времени уже хекал как бы не посильнее Парахина, задохнувшись от непривычной нагрузки. Побегал-то он вокруг отмахивающегося противника будь здоров! Второгодник, заметив это, пошёл в атаку и в этот раз бил уже всерьёз.

Мясистые кулаки с гулом проламывали пространство, но Лёшка уворачивался каким-то чудом, запалённо хватая воздух. А потом внезапно отступить стало некуда, и тяжёлый кулак с силой врезался в скулу.

Бум! Затылок Лёшки повстречался с дверью дровяного сарая... Нокаут!

— ...Лёшка! Алексей...

Меня ухватили за ворот и попытались приподнять. Голова, зараза... последнее, что я помню, так это драку, а с кем и почему...

— Лёша...

Чья-то рука попыталась оттянуть веко и я открыл глаза, увидев перед собой мальчишку лет тринадцати. Физиономия его показалась смутно знакомой и вызвавшей неприятные ассоциации. Хотя где мальчишка, а где я!

— Живой? — обеспокоенно спросил он и встал, не дожидаясь ответа.

— Всё в порядке, — сказал я, пытаюсь встать, подгибая под себя плохо слушающиеся ноги. Со второй попытки удалось, и я встал, не слишком твёрдо удерживаясь на покачивающейся земле. Голова гудит Царь-колоколом, мысли разбегаются, ноги ватные, а всё тело болит так, что хоть обезболивающее пей. А соображалка — ну напрочь работать отказывается!

— Живой ваш Ряба! — уже другим голосом сказал неприятный мальчишка, и вокруг загалдели. Какие-то ребята, обступив, хлопали меня по плечам, жали руку и говорили одобрительные слова.

Не все... хватало и тех, кто стоял поодаль, бросая в мою сторону насмешливые взгляды и смеясь над чем-то. Были и те, кто просто развернулся и ушёл, разговаривая на ходу с приятелем или погружившись в собственные мысли.

— Был бы мозг, было бы сотрясение! — ёрнически сказал тот самый мальчишка, что пытался оттянуть мне веко. Несколько человек засмеялись и пошли прочь, весело переговариваясь о чём-то своём и оборачиваясь то и дело.

— Однако... — произнёс я и принялся отряхиваться, стараясь не делать лишних движений и решительно не понимая — что же вообще такое происходит?!

С какого хрена я, взрослый мужик тридцати двух лет, делаю здесь, в компании мальчишек, по возрасту годящихся мне в дети? Почему я — внезапно (!) одного с ними роста, когда недавно ещё во мне было сто девяносто два сантиметра ровнёхонько!

И почему я воспринимаю себя ещё и тринадцатилетним Лёшкой Пыжовым*, 1901 года рождения...

* Все совпадения случайны.

Глава 1 ОСОЗНАНИЕ

Продолжая машинально отряхиваться трясущимися руками, пытаюсь прийти в себя, но получается, откровенно говоря, скверно, а вернее — никак! В голове царит такой колокольный звон и сумбур, что даже разговоры окружающих я понимаю через раз. Помимо откровенно незнакомых слов, речь окружающих изобилует какими-то диалектизмами, и хотя в целом понятна, но вкупе с несколько иным говором и даже самим построением фраз, для моей ушибленной головы она стала настоящим испытанием.

А иногда и вовсе, я будто выпадаю, выключаюсь не то что из разговора, а из суровой действительности, окружающей меня. Лишь по сменившейся раскадровке вокруг запоздало понимаю, что прошло несколько секунд. А потом снова, снова... Со слухом те же проблемы — вроде как он и есть, но временами пропадает или искажается до такого уровня, что все разговоры слышатся как некий отдалённый шум. Вроде как перед закрытыми дверями класса, где урок ещё не начался и учитель не зашёл, отчего стоит лёгкий гул, но отдельных слов не разобрать.

По-хорошему, мне надо сейчас к врачу, а потом хотя бы несколько дней отлежаться, и это программа минимум. Мелькнула и ушла мысль, что в последний раз так хреново я себя чувствовал после региональных соревнований по рукопашке, да и то вряд ли.

Воспоминание это заглянуло в гости, да и ушло, оставив только ряд ассоциативных цепочек, с которыми мне предстоит ещё разобраться. Да укрепилось понимание, что ситуация, в которой я оказался, явно из ряда вон!

«Попал» — заезженной пластинкой крутится в голове. Другие мысли в ушибленную голову решительно не помещаются, и когда меня потянули за собой, я пошёл, как телок на верёвочке, не соображая вообще ничего. Ресурсов мозга хватило только на то, чтобы переставлять конечности и бестолково глазеть вокруг, не пуская при этом слюни на подбородок.

По счастью, одноклассники мои ничего плохого в виду не имели, а просто провели мимо зевающего швейцара в школьную уборную на первом этаже, где помогли умыться.

— Давай, не стой в дверях... — Меня бесцеремонно пхнули ладонью в спину, подталкивая к умывальнику, где один из мальчишек уже включил холодную воду, с напором бьющую в покрытый белой

эмалью металл. Почти тут же мимо меня проскочил какой-то мелкий мальчишка, забежав в кабинку и захлопнув за собой дверцу.

— Да что ж ты будешь делать! — раздражённо выдохнул всё тот же русоволосый доброхот, так и оставшийся пока безмянным. Ухватив меня за загривок крепкой ладонью со слабым запахом табака и сдобы, он надавил вниз, засунув голову под струю воды.

«Опять... — понял я под холодной водой, льющейся на затылок, — опять на несколько секунд, наверное, из жизни выпал».

Не сразу, но потихонечку пришёл в себя, когда уже голова наконец замёрзла. Плеская в лицо холодной водой, тупо разглядывая надраенную бронзу кранов и белый кафель пола и стен, я на какое-то время приободрился и окончательно привёл себя в порядок, оттерев влажной ладонью последние следы пыли на своих штанах и гимнастёрке, встав перед большим зеркалом в бронзовой раме.

В зеркале отразилась худая, узкоплечая фигура, обряженная в старую, не один раз штопанную гимназическую форму, заметно потёртую и линялую местами. Всё мягое, со следами влаги.

Физиономия тоже... мятая. Снова подойдя к крану, открыл по сильнее холодную воду и сунул под струю коротко стриженую голову, следя только за тем, чтобы вода не лилась на одежду.

— Хорош воду лить! Изыди, мелочь пузатая! — Какой-то незнакомый тип явно старше двадцати, но в гимназической форме, грубо хлопнул меня по плечу и сдвинул в сторонку, припав к холодной воде с упоением человека, не понаслышке знакомого с похмелем. Сложный букет запахов, исходящий от него, подтвердил мои выводы. Ароматы перегара, табака, одеколона и мяты, слились в противоестественном экстазе, и будучи дополненными нотками давнишнего пота, дали практически рвотный эффект.

Великовозрастный гимназист более не обращал ни на кого внимания, но одноклассники весьма живо вытянули меня из уборной, опасливо косясь на него. Я заключил, что тип этот достаточно опасный, или, возможно, здешние старшеклассники в пищевой цепочке находятся много выше нас, грешных.

По опыту знаю, что чуть погода мне снова станет хуже, а завтра будет и вовсе скверно. Но пока я, несколько отживев, шёл за одноклассниками, с вялым любопытством жертвенного животного поглядывая по сторонам.

Интерьеры гимназии показались мне достаточно изящными, но какими-то неуместными, что ли. Много узорчатой лепнины по потолку и стенам, натёртый мастикой паркет, дорогие люстры,

портреты с сановными особами — орденосными жабами, глядящие на гимназистов мёртвыми, плохо прорисованными глазами. Вообще, атмосфера какая-то мертвящая или, вернее, присущая скорее какому-нибудь присутственному учреждению. Чиновная, казённая, пропахшая лежалой бумагой и мышами.

— Да хватит столбом стоять, Ряба! — с досадой произнёс звонкий голос с легкой, чуть искусственной хрипотцой, свойственной мальчишкам, которые очень хотят казаться постарше. — Звонок скоро прозвонит!

Одноклассник, низкорослый чернявый мальчишка нерусского вида, потянул меня за влажный рукав, закатывая глаза и всем своим видом показывая, как он тяготится опекой надо мной, и какая это доюка. Не став спорить, я послушно вошёл за ним в просторный класс с приоткрытыми створчатыми окнами, оглядываясь вокруг и не узнавая решительно ничего.

— Хау, мой краснорожий друг! — приветственно махнул мне рукой ушастый редкозубый мальчишка с одной из задних парт.

«Федька», — подсказала память, но ни фамилии, ни иерархии в классе она не выдала. Друг ли он мне, или это просто ввёрнуто ради красного словца — бог весть.

— Давай, дуй на своё место, — выдал «просто Федька», и не принуждённо перегнувшись вперёд, похлопал по крашеной спинке скамьи короткопалой ладонью с обгрызенными ногтями и сбитыми костяшками.

— Рассказывай! — Федька наклонился вперёд, оживлённо блестя глазами, и несколько мальчишек по соседству, как бы нехотя, тоже повернули свои головы в мою сторону. Снизости.

Подумаешь, драка! Событие в гимназии совершенно рядовое, некоторое оживление вызывает разве только состав участников боя, но мой случай явно не относится к сенсационным!

В классе, где почти сорок мальчишек, редкий день обходится без кулачных поединков, а чаще их по несколько в день. Дерутся здесь много, часто и охотно, и, насколько мне подсказывает частично распаковавшаяся память, не только на голых кулаках. Это, если можно так выразиться, спортивный вариант, только что с поправкой на отсутствие весовых и возрастных категорий.

Моя драка с Парахиным вызвала примерно столько же интереса, сколько вызвал бы поединок одного из многочисленных «околотоповых» боксёров с очередным «мешком». Ну ничего интересного... Так, набитие морды и рейтинга в одни ворота.

Дерутся чаще за пределами гимназии, но если это рядовое мордобитие, не предполагающее повышенного ажиотажа и большого количества зрителей, можно и так. Наскоро.

— А что рассказывать? — пожал я плечами, пытаясь игнорировать мигрень, ввинчивающуюся в кости черепа при каждом неловком движении. — Сами всё видели.

— Не всё и не все! — выпрямившись на стуле, возразил парнишка того типажа, в котором загодя угадывается будущий военный, уже сейчас мечтающий исключительно о военной карьере и всё в жизни рассматривающий через причудливый калейдоскоп погон, медалей и выслуги лет. Сам таким был... давно.

Голова, в которой не ко времени разархивировался ещё один кусок воспоминаний, снова разболелась, так что отвечал я односложно, боясь растрезвожить её ещё больше. Впрочем, Фёдке хватило. Дополняя мои реплики своими домыслами и апеллируя к другим свидетелям, он сам всё и рассказал, притом быстро, хотя и не слишком точно, с какими-то ненужными, но, наверное, очень интересными ему подробностями, пропущенными через яркий внутренний мир.

При этом он живо жестикулировал и играл мышцами подвижного, будто каучукового лица, но как ни странно, не выглядел при этом клоуном. Хотя тот же Струков, гримасничая много меньше, кажется иногда натуральной мартышкой, беснующейся от злой скуки за частыми прутьями клетки.

Это, к слову, не только моё мнение — второе его прозвище «Макака» или «Макак», иногда «Мартышок», но так его обычно за глаза называют. Мальчишка он злой, мстительный и довольно-таки подлый, сдерживаемый разве что не слишком жёсткими рамками гимназических правил — как писанных, так и неписанных.

Ну и родня у него не самая влиятельная, и это мягко говоря. Из мещан, притом матушка не с самой лучшей репутацией. В гимназические разборки не принято втягивать родителей, но если кто-то из учеников начинает выходить за рамки, допускается и такое. Не одобряется, но допускается.

В памяти моего юного альтер эго сия персона явно занимает особое место... Ставлю себе мысленную зарубку разобраться со Струковым, и на этом моя мыслительная деятельность снова начинает пробуксовывать.

Кивая невпопад, я соглашался с чем-то, оглядывая одноклассников. Память работает со сбоями: некоторых не опознаёт в прин-

ципе, на других выдаёт подробное досье, а на третьих только прозвище, порой обидное, или вовсе какой-то эпизод из жизни.

— Дай карандаш, Ряба! — Перегнулся ко мне прыщавый толстяк из соседнего ряда и цапнул с парты искомое, не утруждая себя благодарностью.

— Угу, угу... — пробубнил он, открыв учебник географии и занявшись его улучшением.

Чернявый, тот, что привёл меня в класс, всё так же стоит у открытой двери, привалившись боком к косяку и поглядывая в коридор. Вид у него при этом важный и досадливый одновременно.

Подобный бывает у человека, которому поручили что-то, не вполне лестное в репутационном плане. Отказаться от порученного нельзя, или же отказ сулит какие-то проблемы, и остаётся только делать вид деловой и донельзя озабоченный, расковыривая одновременно уязвлённое самолюбие и уговаривая самоё себя, что ничего эдакого в порученном деле и нет.

Прозвеневший звонок жестяным звоном продребезжал в голове, вызвав новый приступ мигрени.

— Идёт!

Дежурный, отскочив от двери, быстро забежал на своё место, и класс, будто выдохнув, разом смёл со стола всё ненужное и уселся за парты, превратившись в истуканов с мертвенно серьёзными лицами. Несколько томительных, тревожных секунд, дверь с грохотом распахнулась, и в помещение стремительным шагом влетел учитель в мундире. Класс тотчас вскочил, с грохотом откидывая крышки столов, да и меня свои-чужие рефлексy подкинули вместе со всеми, подарив новую вспышку головной боли.

— Здравствуйте, Вениамин Дмитриевич, — хором проревел класс по образцу «здрав-жлав!». Учитель, осанистый мужчина средних лет, окинул нас пристальным булавочным взглядом и медленно кивнул. Мы с облегчением уселись назад и уставились на него преданными взглядами служебных собак.

В памяти всплыло, что педагог этот, или вернее — чиновник от Министерства народного просвещения, не самый скверный преподаватель, но сильно ушибленный дисциплиной, отчего и носит прозвище «Фельдфебель». Главные требования, помимо сносного знания предмета — уставность, единообразие и тишина.

Если соблюдать предложенные им правила игры и отвечать у доски, не слишком мямля и запинаясь, то в общем, и нормально. Но если озвереет, полкласса может стоять весь урок, а на следующих